

Тема лица и маски в книге «Россия в 1839 году» Астольфа де Кюстина

А. Р. ОЩЕПКОВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А. С. ПУШКИНА)

В статье анализируется тема лица и маски в книге путевых записок А. де Кюстина «Россия в 1839 году» и выявляется ее роль в конструировании образа России. Показана значимость традиции французской моралистики XVII–XVIII вв. для создания кюстиновского мифа о России — «империи фасадов».

Ключевые слова: образ России, лицо и маска, афористичность, французская моралистика, «империя фасадов», иллюзорность русской жизни.

Книга Астольфа де Кюстина (1790–1857) «Россия в 1839 году» (1843) занимает особое место в западноевропейском дискурсе о России. Это сочинение литератора, не принадлежавшего к писателям первого ряда, стало одним из самых известных произведений о России в XIX столетии не только во Франции, но и далеко за ее пределами и, как нам представляется, продолжает и по сей день оказывать заметное влияние на восприятие России на Западе. Об особом успехе книги в Европе и о многочисленных откликах на нее как в Европе, так и в России написано немало (Миљчина, 1996; 2004; Миљчина, Осповат, 1994; 1995; Corbet, 1967; Cadot, 1967; Liechtenhan, 1990; Muhlstein, 1999).

Кюстин нигде в книге не упоминает имен Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Шамфора или Ривароля, однако присущее ему мастерство психологической характеристики, тяготение к рационалистической абстракции, вкус к афористичности свидетельствуют о том, что традиция французской моралистической прозы XVII–XVIII вв. не только была знакома автору «Россия в 1839 году», но и оказала на него существенное влияние.

Как не вспомнить Ларошфуко, читая следующие афоризмы Кюстина: «Россия — страна, где великие дела творятся ради жалких результатов...», «Русское правительство — абсолютная монархия, ограниченная убийством...», «В России есть только один свободный человек — взбунтовавшийся солдат», «Если народ живет в оковах, значит, он достоин такой участи; тиранию создают сами нации», «Я не выношу людей, которые дела-

ют глупости, когда у них есть возможность не делать вовсе ничего», «У русских есть названия для всех вещей, но нет самих вещей...», «Отречение от власти, на которую притязают другие, иногда становится возмездием; отречение от абсолютной власти стало бы малодушием» и т. п.

Однако влияние на Кюстина французской классицистской прозы XVII столетия сказывается не только на уровне поэтики (афористичность Ларошфуко, лабрюйеровское мастерство психологического портрета, обращение к эпистолярному жанру, одной из блестящих представительниц которого была мадам де Савинье, мемуары кардинала де Реца и Сен-Симона), но, что для нас более существенно, и на содержательном уровне. Кюстин смотрит на Россию сквозь призму интеллектуальной «подозрительности» Ларошфуко, для которого, как известно, «добродетели теряются в своекорыстии, как реки в море» (Ларошфуко, 1974: 52).

А. де Кюстин предпослал своей книге эпиграф из «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова»: «Каков правитель народа, таковы и служащие при нем; и каков начальствующий над городом, таковы и все, живущие в нем» (Кюстин, 1996, т. 1: 9).

С этим эпиграфом не только связан общий пафос книги, но и заявлена одна из важнейших тем всей моралистики XVII в. — тема лица и маски, неискренности русских и фальшивости всей российской действительности.

Эту тему Кюстин развивает на русском материале и придает ей не абстрактное нравств-

венно-психологическое, а актуальное политическое звучание. У Кюстина речь идет не о выявлении общих законов человеческой психологии (как, например, у Ларошфуко или Лабрюйера), а о законе политической жизни России. Отсутствие свободы, по Кюстину, обуславливает эту игру лица и маски, видимости и сущности в российской действительности. В России для Кюстина все не то, чем кажется, все отмечено этим несоответствием между благопристойной видимостью и отвратительной сущностью. «...По видимости все здесь вершится так же, как и в других странах. Не то — по сути», — констатирует рассказчик (Кюстин, 1996, т. 1: 148). «Россия — страна мнимостей, где все вызывает недоверие» (там же: 181). «Здесь очень легко обмануться видимостью цивилизации. Находясь при дворе, вы можете почитать себя попавшими в страну развитую в культурном, экономическом и политическом отношении, но, вспомнив о взаимоотношениях различных сословий в этой стране, увидев, до какой степени эти сословия немногочисленны, наконец, внимательно присмотревшись к нравам и поступкам, вы замечаете самое настоящее варварство, едва прикрытое возмутительной пышностью» (там же: 154). «В Петербурге все выглядит роскошно, великолепно, грандиозно, но если вы станете судить по этому фасаду о жизни действительной, вас постигнет жестокое разочарование...» (там же: 155). Лучшая петербургская гостиница — «снаружи дворец, изнутри позолоченное, обитое бархатом и шелком стойло», кишасящее клопами (там же: 134), на островах рассказчик видит дощатые, но покрашенные под кирпич виллы (там же: 145), русские таят «под внешним гостеприимством язвительность и хулу» (там же: 166). Рассказчик выражает сомнение в том, что брак великой княжны с герцогом Лейхтенбергским заключается по любви. Он уверен, что российский император хочет извлечь из этого союза политические выгоды, ибо «с честолюбием дело обстоит так же, как со скупостью: скупцы подчиняются расчету, даже в тех случаях, когда думают, что действуют бескорыстно» (там же: 167) (фраза совершенно в стиле и в духе Ларошфуко. — А. О.).

Самое прямое и непосредственное воплощение тема лица-маски находит в портрете Николая I, который рисует рассказчик. Он отмечает, что российский император «постоянно позирует и, следовательно, никогда не бывает естественен» (там же: 178). Далее рассказчик отмечает быструю и полную смену выражений на лице императора как игру масок. «На наших глазах без всякой подготовки происходит смена декорации; кажется, будто самодержец надевает маску, которую в любое мгновение может снять <...>. Император всегда играет роль, причем играет с великим мастерством» (там же: 178). «Таким образом, одно из главных бедствий, от которых страдает Россия, отсутствие свободы, отражается даже на лице ее повелителя: у него есть несколько масок, но нет лица. Вы ищете человека — и находите только Императора», — заключает рассказчик (там же: 178).

Тема лица и маски, сущности и видимости, иллюзорности русской жизни приобретает неожиданный поворот, находя продолжение и развитие в словах российских императора и императрицы. Императрица в разговоре с рассказчиком призывает его не ограничиваться наблюдением внешности вещей, но проникнуть в их суть (там же: 194). Император пытается убедить иностранного путешественника, что внешнее единообразие в России — только видимость. «Многообразие лежит в глубине, одинаковость же — на поверхности: единство наше только кажущееся», — заключает он (там же: 199). В отличие от рассказчика российские самодержцы убеждены, что кажущиеся недостатки русской жизни при более внимательном рассмотрении оборачиваются достоинствами, которые только предубеждение не позволяет увидеть иностранцам. «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас знают очень мало и не хотят узнать лучше», — сетует императрица (там же: 182).

Эти эпизоды, на первый взгляд вносящие в кюстиновский дискурс о России элемент «чужого слова», полемики, представляющие как бы иную точку зрения на соотношение видимости и сущности в российской действительности, на самом деле призваны подчерк-

нуть правоту рассказчика. Принципиальным здесь для автора оказывается то, что сами российские самодержцы осознают иллюзорность русской жизни, тем самым подтверждая вывод автора о том, что в России — все только видимость. То, что их трактовка этой иллюзорности коренным образом отличается от авторской, не существенно.

Тема лица и маски, иллюзорности всего существующего и происходящего в России находит частную реализацию в мотиве маскарада, театра. В Петербурге все — декорация. «На каждом шагу я с изумлением замечаю, что петербургские архитекторы смешивают воедино два таких различных искусства, как возведение зданий и постройка декораций. Петр Великий и его преемники приняли столицу за театр» (там же: 135). «Российская империя — огромная театральная зала, где из всякой логики видно, что творится за ее кулисами» (там же: 149). Русский двор напоминает рассказчику театр, «где актеры всю жизнь участвуют в генеральной репетиции» (там же: 180). Жизнь двора, по выражению рассказчика, «светская комедия под названием «Северная цивилизация» (там же: 180). Российский император «настолько вошел в свою роль, что престол для него — то же, что сцена для великого актера» (там же: 209).

В результате создается впечатление, что Кюстин по разным поводам, отталкиваясь от разных фактов, наблюдений и впечатлений, говорит одно и то же, все время возвращается к одним и тем же темам и мыслям. Все в России — видимость, иллюзия, все носят маски, играют роли, возводят декорации, все несвободны и лишены естественности, включая и самого императора, вынужденного играть навязанную ему титулом роль властителя, деспота и самодержца. В этом кружении кюстинской мысли вокруг одних и тех же тем можно увидеть цельность авторской позиции, а можно — литературный прием, призванный многочисленными повторами одного и того же внушить читателю определенные идеи и представления о России.

Кюстин не видит Россию носителем самобытной культуры, разделяет общий скептицизм и комплекс превосходства европейцев по

отношению к ней. Он пишет, что русские «постоянно снедаемы желанием подражать другим нациям и подражают они как обезьяны, оглуляя предмет подражания» (там же: 154). Русские — «упрямые подражатели» (там же: 177). Секрет русского искусства в том, «чтобы худо ли, хорошо ли подражать другим народам...» (там же: 178). «Их цивилизация — одна видимость; на деле же они безнадежно отстают от нас и, когда представится случай, жестоко отомстят нам за наше превосходство» (там же: 164).

Кюстин вопреки своим многочисленным декларациям о правдивости, беспристрастности, незаинтересованности обнаруживает одно качество при описании России, которое было подмечено еще Ф. И. Тютчевым, так оценившим его книгу в статье «Россия и Германия» (1844): «Книга господина де Кюстина является еще одним свидетельством умственного бесстыдства и духовного разложения — характерной черты нашей эпохи, особенно во Франции, — когда увлекаются обсуждением самых важных и высших вопросов, основываясь в большей степени на нервном раздражении, чем на доводах разума, позволяют себе судить о целом Мире менее серьезно, нежели прежде относились к разбору водевиля» (Тютчев, 2007: 28).

В результате действительно создается впечатление, что Кюстин в умозаключениях о России чаще руководствуется, воспользуемся выражением Ф. И. Тютчева, «нервным раздражением», нежели доводами рассудка.

Для Кюстина искренность ценна не только в общении, литературном творчестве, но и в политике, дипломатии. «В Европе дипломатия положила себе за правило быть искренней, русские же уважают искренность лишь в поведении других и считают ее полезной лишь для того, кто сам ею не пользуется» (Кюстин, 1996, т. 2: 174). В данном случае неважно, насколько Кюстин прав в своей оценке европейской дипломатии. Скорее всего, он все-таки выдает здесь желаемое за действительное, но эта фраза позволяет судить о его критериях оценки России, понять логику этой оценки.

В России искренность не в чести. Искренности Европы Кюстин противопоставляет

лживость и двуличие России. Россия — «царство фасадов» (там же: 178). «Ложь — это покой, порядок...» (там же: 175). Все русские двуличны. «Они способны искусно лгать и естественно лицемерить, причем так успешно, что это равно возмущает мою искренность и приводит меня в ужас», — заявляет рассказчик (Кюстин, 1996, т. 1: 246–247).

Кюстин подвергает критике не столько людей, сколько институты и порядки в России. Личность Николая I вызывает скорее симпатию автора, но российский император как воплощение самодержавной власти, губительной, развращающей, превращающей русских в «нацию рабов», заслуживает самой суровой критики.

Эта критика осуществляется Кюстином и с использованием гофмановской темы кукол, автоматов, марионеток. Кюстина-романтика пугает унификация личности, пренебрежение личностным началом в царской России. Так у Кюстина появляются образы марионеток, истуканов и т. д. Российские таможенники — «машины, обремененные душой» (там же: 113). Русские — «люди-автоматы напоминают шахматные фигуры,двигающиеся по воле одного-единственного игрока» (там же: 191). Все русское общество — «скопище тел без душ» (там же: 131). Русские крестьяне — «люди-растения» (там же: 152). «На петербургских празднествах люди служат украшением, подобно тому как собрание редких растений красит оранжерею» (там же: 197). «Русские придворные производят на меня впечатление марионеток, подвешенных на чересчур толстых нитках», — признается рассказчик (там же: 253). «Какой-то чародей превратил шестьдесят миллионов человек в механических кукол, и теперь для того, чтобы воскреснуть и снова начать жить, они ожидают мановения волшебной палочки другого чародея» (там же: 284).

Кюстин не был бесстрастным и объективным исследователем, историком, аналитиком. Он был писателем, подчинявшимся законам избранного жанра и эстетическим принципам того литературного направления, к которому принадлежал, идеологом и мифотворцем, создающим свой авторский миф о России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кюстин, А. де. (1996) Россия в 1839 году : в 2 т. М. : Изд-во имени Сабашниковых.

Ларошфуко, Ф. де. (1974) Максимы // Ларошфуко Ф. де. Максимы ; Паскаль Б. Мысли ; Лабрюйер Ж. де. Характеры. М. : Художественная литература.

Мильчина, В. А. (1996) Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях // Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной ; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М. : Изд-во имени Сабашниковых. Т. 1. С. 381–395.

Мильчина, В. А. (2004) К вопросу об источниках книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» // Мильчина В. А. Россия и Франция : дипломаты, литераторы, шпионы. СПб. : Гиперион. С. 231–239.

Мильчина, В. А., Осповат, А. Л. (1994) Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели (Из неизданных материалов 1830–1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. № 8. С. 107–138.

Мильчина, В. А., Осповат, А. Л. (1995) Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С. Уварова // Новое литературное обозрение. № 13. С. 272–284.

Тютчев, Ф. И. (2007) Россия и Запад. М. : Культурная революция ; Республика.

Cadot, M. (1967) La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). P. : Fayard. P. 223–278.

Corbet, Ch. (1967) L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P. : Didier. P. 218–227.

Liechtenhan, F.-D. (1990) Astolphe de Custine. Voyageur et philosophe. P. ; Genève : Champion-Slatkine.

Muhlstein, A. (1999) A Taste for Freedom. The Life of Astolphe de Custine. Toronto : Helen Marx Books.

THE THEME OF THE FACE AND THE MASK IN «RUSSIA IN 1839» BY ASTOLPHE DE CUSTINE A. R. Oshchepkov

(The Pushkin State Russian Language Institute)

The article considers the theme of the face and the mask in the book of journey notes entitled «Russia in 1839» by A. de Custine. The author highlights its role in the construction of the image of Russia and shows the significance of the tradition of the 17th–18th centuries French moralistic literature for the creation of Custine's myth about Russia — «the empire of façades».

Keywords: the image of Russia, the face and the mask, aphoristicness, French moralistic literature, «the empire of façades», the illusiveness of Russian life.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Kiustin, A. de. (1996) *Rossia v 1839 godu : v 2 t.* M. : Izd-vo imeni Sabashnikovykh.
- Laroshfuko, F. de. (1974) *Maksimy // Laroshfuko F. de. Maksimy ; Paskal' B. Mysli ; Labriuiier Zh. de. Kharaktery.* M. : Khudozhestvennaia literatura.
- Mil'china, V. A. (1996) *Neskol'ko slov o markize de Kiustine, ego knige i ee pervykh russkikh chitateliakh // Kiustin A. de. Rossia v 1839 godu : v 2 t. / per. s fr. pod red. V. Mil'chinois ; komment. V. Mil'chinois i A. Ospovata.* M. : Izd-vo imeni Sabashnikovykh. T. 1. S. 381–395.
- Mil'china, V. A. (2004) *K voprosu ob istochnikakh knigi Astol'fa de Kiustina «Rossia v 1839 godu» // Mil'china V. A. Rossia i Frantsiia : diplomaty, literatory, shpiony.* SPb. : Giperion. S. 231–239.
- Mil'china, V. A., Ospovat, A. L. (1994) *Markiz de Kiustin i ego pervye russkie chitateli (Iz neizdannykh materialov 1830–1840-kh gg.) // Novoe literaturnoe obozrenie.* № 8. S. 107–138.
- Mil'china, V. A., Ospovat, A. L. (1995) *Peterburgskii kabinet protiv markiza de Kiustina: nerealizovannyi proekt S. S. Uvarova // Novoe literaturnoe obozrenie.* № 13. S. 272–284.
- Tiutchev, F. I. (2007) *Rossia i Zapad.* M. : Kul'turnaia revoliutsiia ; Respublika.
- Cadot, M. (1967) *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856).* P. : Fayard. P. 223–278.
- Corbet, Ch. (1967) *L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894).* P. : Didier. P. 218–227.
- Liechtenhan, F.-D. (1990) *Astolphe de Custine. Voyageur et philosophe.* P. ; Genève : Champion-Slatkine.
- Muhlstein, A. (1999) *A Taste for Freedom. The Life of Astolphe de Custine.* Toronto : Helen Marx Books.